

*Все это происходило с ними, как образы;
а описано в наставление нам, достигшим
последних веков.*

Первое послание к Коринфянам
св. апостола Павла. 10:11

*История есть обнаружение духовной
реальности.*

Архиепископ Алексей (Фролов)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

На церемонии захоронения останков семьи последнего российского императора тогдашний президент России Б. Н. Ельцин говорил о надежде перевернуть страницу истории, раз и навсегда прекратив вражду между наследниками «красных» и «белых». Но и тогда уже далеко не всем казалось это возможным. Никакой церемонией, как бы это ни хотелось, нельзя поставить точку в истории.

Последующие события подтвердили правоту сомневавшихся. До сих пор не утихают то разгорающиеся с новой силой, то на время, казалось, замирающие ожесточенные споры о подлинности останков, которые покоятся в Петропавловском соборе Петропавловской крепости. И это не просто спор об их подлинности. Это спор о том пути, которым идет современная Россия. Пути, который начался с падения монархии в феврале 1917 г. и продолжается до сих пор.

Существенную роль в примирении противоборствующих сторон могут, как кажется, сыграть историки. Именно они должны спокойно и объективно, основываясь на подлинных документах, а не на вымышленных построениях, показать историю такой, какая она была в действительности.

Книга известного российского историка и дипломата П. В. Стегния как раз из числа честных и правдивых исследований. В ней читатель найдет мастерски выписанные портреты двух сестер (немецких принцесс), сыгравших не последнюю роль в событиях российской истории конца XIX и начала XX в. — императрицы Александры Федоровны и великой княгини Елизаветы Федоровны.

Обеих сестер постигла ужасная участь. Они были убиты большевиками. Обе они, и Александра Федоровна, жена императора

Николая II, и Елизавета Федоровна, жена великого князя Сергея Александровича, основательница Марфо-Мариинской обители, ныне прославлены православной церковью и причислены к лику святых.

В сущности, книга представляет собой детальный анализ их непростых взаимоотношений, сделанный на основании многочисленных документов, в том числе извлеченных из недр архивов и впервые вводящихся в общественный и научный оборот. Жизненный путь обеих героинь вписан автором в события своего времени.

Одним словом, читателей ждет увлекательное путешествие, которое, надеюсь, поможет им разобраться в нашем прошлом.

*С. В. Мироненко,
научный руководитель
Государственного архива
Российской Федерации,
чл. - корр. РАН*

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Вопрос, о чем эта книга, не так прост, как может показаться. Но и не так сложен.

Короткий ответ на него очевиден. «Образы и наставления»¹ — это набросок психологических портретов двух немецких принцесс — императрицы Александры Федоровны, супруги Николая II, и ее сестры великой княгини Елизаветы Федоровны. Марфы и Марии русской истории. Одна из них была прославлена в чине страстотерпицы, другая — преподобномученицы, но обе, думается, не были ни до конца поняты современниками, ни по достоинству оценены потомками. Слишком многое в их судьбах, характерах и политических взглядах остается предметом тактичного (а чаще конъюнктурного) умолчания. А между тем именно это, недосказанное, может помочь глубже если не понять, то почувствовать трагическую историю конца монархии в России. И личность последнего российского императора, портрет которого без двух сестер, стоящих за его креслом, кажется недописанным.

Ответить на поставленный вопрос в более широком смысле — к чему, собственно, написана еще одна книга на тему, которая выглядит исчерпанной, сложнее. Дело, думается, в меняющемся контексте времени, всегда оставляющем ощущение некоторой незавершенности наших оценок прошлого. В неверных зеркалах исторической памяти, затуманенных привходящими политическими обстоятельствами, образы последних царствовавших Романовых как бы дwoятся, множатся, теряют четкие очертания. Современный исследователь николаевской эпохи С. Л. Фирсов связал природу этого феномена с тем, что еще «многие современники воспринимали последнего самодержца как великого молчальника» скорее как «образ» власти, ее символ, чем реального человека со всеми его достоинствами и недостатками².

Похожим образом дела обстоят и сегодня, когда царская тема стала одной из составляющих поиска нашей страной своей новой,

постсоветской идентичности. Процесс этот, как и предсказывал Иван Ильин, развивается непросто, отражая широкий спектр противоречий современного мира. Историки, сторонники научного подхода к изучению царской темы, и приверженцы «житийного подхода», видящие в последних Романовых скорее объект почитания, чем предмет изучения, как правило, не слышат друг друга. В возникающих дискуссиях и те и другие выстраивают свою картину мира в логических системах, ориентированных на разные ценностные установки. Что неизбежно смещает фокус исторического зрения, перенося его в пространство «постправды», формируемое задачами текущего политического момента. А в нем последние Романовы становятся заложниками лукавой логики смены эпох и убеждений, времени первоначального накопления капитала. И их образы начинают существовать как бы сами по себе, отдельно от своих человеческих и исторических судеб. Но не заложенных в них смыслов.

Задача историка — раскрыть эти смыслы в контексте меняющегося времени. Ведь если реальные люди и события прошлого трансформируются в нашей коллективной исторической памяти в образы, если история, перешагнув столетний рубеж, начинает, как Библия, говорить с нами языком притчи, то должны же быть осмыслены и уроки, прежде всего, нравственные, оставленные нашими предками в наставление будущим поколениям?

Как говорил архиепископ Алексей (Фролов): «История есть обнаружение духовной реальности».

Об этом, собственно, и пойдет речь.

* * *

Но не только об этом. Из дневника поездки по «Царскому пути» в мае 2016 года:

«Из Москвы выехали 23 мая, вечером. Днем в здании мэрии на Тверской проходил форум Елисаветинско-Сергиевского общества, посвященный созданию мемориальных комплексов в Тобольске и Алапаевске. В бывшем дворце великого князя Сергея Александровича звучали приветствия, доклады, речи. Вышел

Собянин, привезли Мироненко, зал был полон. Во время экскурсии по дворцу мать Варвара, монахиня Горнего монастыря в Иерусалиме, окропляла незаметно все вокруг святой водой ввиду предстоящих слушаний по судьбе имения великого князя Сергея Александровича Ильинское. Воды не хватило, в ход пошла земляца, предусмотрительно привезенная м. Варварой из Святого града.

(Но и землицы, видно, оказалось недостаточно. Осенью 2020-го, ковидного, года Ильинское, единственная царская резиденция в Подмоскovie, была продана частным владельцам как “не представляющая исторической ценности”. И немедленно ошетилилась шестиметровым забором, перекрывшим доступ к еще одной опорной точке исторической памяти народа.)

24 мая. В Екатеринбург прилетели ночью, в два часа по местному времени, расселились в бывшей партийной гостинице “Октябрьская”. С утра были в Храме-на-Крови. Говоря коротко — осталось впечатление Мавзолея на фоне башни Ельцин-центра, формирующей городское пространство. Внутри — полированный мрамор, гранит, иконы в тяжелых золотых окладах. А в мысленной памяти — тот, прежний ипатьевский дом, обнесенный серым лагерным забором.

Порадовал батюшка, сказавший короткое слово о Строгановых, которым надоело-де возиться с горнорудными заводами на Урале, они взяли, да и продали их какой-то немецкой корпорации. Сами же удалились в Париж, куда и потекли денежки от уральских ископаемых. Присутствовавшие переглядывались, цenia гражданское чувство батюшки, явно проводившего параллель с непростыми реалиями сегодняшнего дня.

А вокруг веселыми стайками сновали дети, никто не крестился, глаза отсутствующие, девочки без косынок. Невольно приходило на ум, что даже в далекие пионерские времена главные смыслы, заложенные в мемориалы, присутствовали, никуда не уходили.

26 мая, Алапаевск. 133 км от Екатеринбурга преодолеваем за два часа. Местность среднерусская, столь любимая Пушкиным ровная равнина. Говорят, в свое время эти места были житницей Сибири.

При подъезде к Алапаевску никаких признаков города не просматривается. Серые деревянные избы, разбросанные в живописном беспорядке, места обжитые, но какие-то бестолковые, застроенные без плана и идеи. Перед въездом — монументальное сооружение с надписью: «Алапаевск — основан в 1639 г.». Выясняется, что здесь местная интрига — в постсоветские времена Алапаевск пытались лишить статуса города и опустить до поселка городского типа. Последовали административные контрмеры, начали ремонтировать дорогу, возвели эту надпись. Работа по приведению дороги в порядок продолжается, но за исключением редких усадеб новых русских, картина все та же, что и в прежние времена. Подъезжаем к Напольной школе, на ее стене табличка: «улица Ленина, 77». Женский монастырь в здании бывшего детского сада, типового, белого, остроугольного. Трапезу возглавляет епископ Мефодий, человек уже немолодых лет, с длинной седой бородой и с какими-то очень внятными речами о присутствии Божьем в этом месте и о том, что надо бы хранить в душе образы Царственных мучеников.

Молебен в Напольной школе, в комнате, где жила Елизавета Федоровна, на стене ее портрет, на аналое ее икона. Варвару поминают, но иконы ее нет. Жена стоит на коленях, я — рядом, и второй раз после Белой горы меня пробило что-то близкое к истерике. Стиснуло горло, и прошибли очищающие слезы. Не хотелось демонстрировать все это на публике, поэтому после службы вышел, пардон, покурить. Над боковым фасадом цифры, выложенные кирпичами: 1915 — школа построена за три года до алапаевской трагедии. Выход был раньше в поле, сейчас здесь стоят деревянные крестьянские дома.

Недалеко от Напольной школы — Дом культуры «Урал», памятник эпохи советского классицизма с портиком и облезлыми ионическими колоннами. Чуть подальше, рядом с Троицким собором, — одноэтажный, недавно отремонтированный домик отца П. И. Чайковского, бывшего управляющим алапаевскими заводами, производившими лучшее в мире железо. Петр Ильич жил здесь до 12 лет. Троицкий собор, двухсветный, полноценные окна идут верхним рядом, сейчас в состоянии ремонта, иконо-

стас временный. Оба брата Чайковские крещены здесь, и Модест, и Петр. В храме находится образ Божьей Матери «Августовская», явившийся после сокрушительного поражения русской армии в Галиции в 1915 году. Храм освящен в 1916 году, будто предчувствовал кто-то, что в нем — по пути кто в Пекин, кто в Иерусалим — несколько месяцев будут находиться тела алапаевских мучеников.

Нигде, как в Алапаевске, не ощущаешь безнадежность одиночества и изоляции, в которой прошли последние дни земной жизни настоятельницы Марфо-Мариинской обители».

И только много позже вспомнилось, что затерянный в уральских лесах Алапаевск — не единственный на Земле образ конца истории. Есть еще городишко Варенн-ан-Аргонн во французском департаменте Мёз, где закончилась история французской монархии. Довелось нам за десять лет до посещения Алапаевска проехать последним маршрутом короля Людовика XVI, Марии-Антуанетты и их детей, бежавших из революционного Парижа в ночь на 21 июня 1791 года. Начался он — длиной в 235 км — в предместье Парижа Бонди, продолжился через Шалон и Клермон и закончился в Варенне, где король был узнан и арестован, не доехав три десятка километров до конечного пункта назначения — крепости Монмеди вблизи границы с Люксембургом.

Ехали вдумчиво, обсуждая по дороге то странные совпадения бегства в Варенн с — ровно через двести лет — отпуском М. С. Горбачева в Форосе, то роль Екатерины II в отчаянной, но безнадежной попытке спасения французской монархии. Король и королева бежали по паспорту, выданному послом России во Франции Иваном Симолиным, на имя русской подданной баронессы Корф, в ее карете — считалось, что мадам Корф, вдова генерала, погибшего на войне с турками, следует из Парижа домой, в Россию. Место действия было узнаваемо, если не считать появившихся за последних два века приличных дорог, индустриализированных городских предместий и придорожной рекламы, зазывающей купить бутылку-другую местного шампанского (часть пути проходила через провинцию Шампань).

В Варенн прибыли уже затемно, поблуждав, как в свое время Людовик XVI, в аргонских лесах. Проехали по темным улицам Старого города с редкими фонарями, выехали на окраину, где дорога спускается к неширокой речке Эр, которую так и не смогли форсировать ожидавшие короля драгуны маркиза де Буйе. И время не то чтобы остановилось — стало ясно, что оно как бы обошло Варенн стороной. Местность вокруг осталась той же, что была в Веке осмнадцатом, просвещенном. Мостик, баррикада на котором изменила историю Франции, а на противоположном берегу — силуэт старой гостиницы со знакомой вывеской “Hotel du Grand Monarque”. Той самой, где томился в ожидании лейтенант Франсуа, младший сын маркиза де Буйе. Посланный со сменой лошадей навстречу королю, он ухитрился остаться в неведении, что на другом берегу реки, в трехстах метрах от места, где он находился, почтмейстер Друэ, опознавший короля в деревушке Сент-Мену и нагнавший его в Варенне, уже сделал свое дело. Беглецы были арестованы революционными горожанами и препровождены в Париж. Дальнейшее известно.

Что поразило нас в вареннском захолустье, так это контраст между узнаваемостью сцены, где развернулась самая знаменитая трагедия французской истории, — и скудость, если не отсутствие, внешних признаков памяти о ней. Лишь табличка на месте ареста королевской семьи, установленная еще в 1793 году, да аляповатые восковые фигурки в местном музее, изображающие торжество революционного правосудия над поверженным тираном. Ни хозяйка гостиницы, ни местные краеведы не проявляли энтузиазма, отвечая на наши расспросы.

Равнодушие, чтобы не сказать безразличие, наших собеседников к событиям двухвековой давности привело нас в некоторое недоумение. Возможно, потому, что, как нам было известно, каждый из историков Французской революции — от Ламартина до Кастело, включая Мишле и Ленотра, — написали свои «Бегство в Варенн» или «Драму в Варенне»³. Поразмыслив, поняли, что в стране победившей буржуазии судьбы поверженных монархов, как и ужасы того, первого Террора, унесшего жизни трети мужского населения тогдашней Франции, не являются предметом широкого общественного интереса.

Что же, острый галльский смысл всегда был прагматичен. Французы, прошедшие в своей бурной истории сквозь череду революций и контрреволюций, включая реставрацию Бурбонов, давно поняли, что часы истории назад не переводятся. И прекратили этим заниматься. Пока мы в России переживали за судьбу горевшего Нотр-Дама, они за один день собрали больше миллиарда евро на его восстановление.

* * *

Наш подход к своему непредсказуемому прошлому сложное. Мы столько раз его переосмысливали, внезапно прозревая на крутых поворотах от капитализма к социализму и обратно, что, похоже, начали уставать от этого малопродуктивного и этически небезупречного занятия.

Два печальных юбилея — 100-летия Русской революции и казни Царской семьи — прошлестели над Россией как далекое, затухающее эхо гроз, прогремевших будто не над нашими головами, в другой реальности, не имеющей к нам, сегодняшним, прямого отношения. Юбилейные дискуссии сосредоточились на явно запоздавшем вопросе о том, что же это было в семнадцатом году — революция или переворот? Ответы, как и следовало ожидать, не имели прямого отношения к сути вопроса. В возникшей крикливой — спасибо телевидению — разноголосице впервые подумалось, что юбилей — это искушение.

И в самом деле.

Опубликован огромный корпус мемуаров, архивных документов, первоисточников, прежде труднодоступных, появился и целый ряд интересных публикаций. Но количество фактов и оценок слишком медленно переходит в качество смыслов. История родной страны, в которой революции и контрреволюции происходят с удручающей монотонностью, по одним и тем же схемам, все еще остается для нас загадкой, чем-то вроде пазла, которые так любил собирать с детьми Николай II. Складывать его принято, используя набор готовых стереотипов — православно-монархических или, условно выражаясь, либеральных. Вроде ничего страшного. Россия страна метафиз-

зическая, процесс для нас важнее, чем результат. Но проблема в том, что при этом уходят, угасают смыслы, соотносящие нас с реальностью собственной исторической судьбы. В результате вместо работы над ошибками и поиска своих путей в быстро и противоречиво меняющемся мире происходит имитация не просто чужого, но и плохо понятого собственного опыта прошлых веков. Стоит ли удивляться, что на выходе слишком часто — лубок, эпигонство, а то и равнодушное глумление над собственной историей?

И вопрос здесь не только и не столько в фильме «Матильда», сценарий которого — вспомним отзыв Троцкого об убийстве Распутина — «предназначен для людей дурного вкуса» (да и написан ими). Печальнее то, что и профессионалы вместо разработки в нынешних, критически важных для страны условиях целостной концепции отечественной истории XX века оказываются вовлеченными в арьергардные бои давно закончившейся гражданской войны. И образы прошлого, «данные нам в наставление», так и не становятся поводом для покаяния и примирения.

И размышлений о настоящем и будущем.

А между тем юбилейные даты — это контрольные отметки на шкале духовной зрелости общества, индикаторы его способности консолидироваться, преодолевать инстинкты социального реванша на новом крутом повороте истории, когда в очередной раз «рвется связь времен». Рубежи, на которых надо бы не просто покаяться в грехе разобщения, но — главное — осмыслить уроки прошлого применительно к реалиям и задачам сегодняшнего дня, не дать выдернуть страну из культурно-исторического контекста общей судьбы.

Справедливости ради надо признать, что случаются и попытки коллективного осмысления уроков трагического XX века, временами обнадеживающие. Но работа новой, церковной комиссии по Царским останкам долго буксовала на перегоне между Ганиной ямой и Поросенковым логом, сосредоточившись на анализе ДНК и подсчете зубов «скелетов № 4 и № 7». Похоже, что вера в очередной раз тактично отступает в сторону, пропуская вперед знание. Однако рационалистический, без нрав-